

DOI: 10.15393/j9.art.2013.393

Николай Иванович Соболев

кандидат филологических наук,
ст. преподаватель кафедры русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
sobnick@yandex.ru

ГИМНОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОВЕСТИ И. С. ШМЕЛЕВА «НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»

Аннотация: В статье исследуется вопрос о влиянии гимнографической традиции на творчество И. С. Шмелева на материале повести «Неупиваемая Чаша». В работе проанализирован гимнографический пласт повести, выявлены специфические особенности адаптации богослужебной поэзии в ткань художественного произведения, определена функциональность богослужебных текстов в идейно-тематической и образно-мотивной структуре художественного произведения. Сопоставительный анализ показывает, что встречающиеся в повести поэтические определения повторяют богословские терминологические метафоры, характерные для гимнографии. Наряду с этим план содержания повести «Неупиваемая Чаша», благодаря семантическому параллелизму с акафистной и, шире, гимнографической традицией образует христианско-догматический метатекст, который можно назвать Бытием во Христе. Этот метатекст позволяет читателю интуитивно распознать в произведении Шмелева творение, по духу и языку родственное текстам христианской поэтической и учительной традиции.

Ключевые слова: гимнография, пасхальный канон, ирмос, акафист, цитата, метатекст

И. А. Ильин в своем выдающемся сочинении «О тьме и просветлении» следующим образом охарактеризовал одну из особенностей идиостиля Шмелева: «Проза Шмелева выкована как стихотворение; она легка и естественна и в то же время обоснована и необходима. Это — проза; но это и поэзия. Шмелев поэт уже по самому языку своему» [3, 354], «при чтении вслух оказывается, что текст Шмелева *полон сокровенного пения*: то лирического, то эпического, то трагического» [3, 355]. В этой характеристике слова *сокровенное пение* наиболее точно определяют эстетический и этический эффект, оказываемый произведениями писателя. *Сокровенный* значит «скрытый, сакраль-

ный», в сочетании со словом *пение* дает речевую метафору, которую можно понять как «духовное славословие, гимн». Интуитивно-оценочные суждения И. А. Ильина подтверждаются при более детальном исследовании текстов И. С. Шмелева, одним из показательных произведений писателя в этой связи является повесть «Неупиваемая Чаша».

Сюжет повести представляет собой жизнеописание главных героев — Ильи Шаронова и Анастасии Вышатовой. О сокровенных моментах жизни героев читатель узнает из «Выписи изъ меморіи рода Вышатовыхъ, листъ 24» (91) и дневника Ильи, которые благочестиво, с уклоном в житийный жанр, пересказывает повествователь¹, стремясь выразить духовное совершенство главных героев в вероучительно-догматической лексике, по своему идейно-тематическому и ритмо-мелодическому строю приближающейся к церковно-гимнографической традиции, на что указывают и цитаты из ирмоса Пасхального канона и Богородичного акафиста.

Проанализируем гимнографический пласт повести Шмелева, выявим специфические особенности адаптации богослужбной поэзии в ткань художественного произведения, определим функциональность богослужбных текстов в идейно-тематической и образно-мотивной структуре текста.

Прежде всего, в тексте повести обращает внимание видоизмененная цитата из пасхального канона², ирмоса девятой песни:

Ирмос	Повесть ³
Свѣтися, свѣтися, Новый Иерусалиме: слава бо Господня на тебѣ возсія. Ликуй нынѣ и веселися, Сионе, Ты же Чистая красуйся Богородице, о востаніи Рождества Твоего.	Кра-а-суйся — ликуй и ра-а-дуйся, Иерусалиме!

В повести иконописный мастер Арефий учит этому молитвословию Илью Шаронова. Арефий воспроизводит ирмос только по четырем семантически доминантным словам, адресующим к сакральным христианским образам: Богоро-

дице и Спасителю («красуйся»), Сиону и Иерусалиму («ликуй и радуйся»). Поэтическая редуция ирмоса, сведенного Арефием к одному строфоиду, не искажает смысл исходного текста.

Ирмос Пасхального канона посвящен

...славѣ (свѣтъ, сіяніе) Церкви, Новаго Иерусалима, пришедшей Воскресениемъ Христа — Главы Церкви, неразрывно связывается со славой Богородицы — сердца Церкви⁴.

Ирмос связан с тропарями девятой песни канона:

Первый тропарь прославляетъ Христа за обещаніе: «се Азь с вами до скончанія вѣка. <абзац> Второй тропарь славословитъ Христа какъ Божію Премудрость, явившую Себя въ Воскресеніи изъ мертвыхъ. Это славословіе связано с молитвой о дарованіи полного приобщенія радости Воскресенія въ жизни будущаго вѣка⁵.

В молитвословии Арефия заложена семантическая перспектива, позволяющая по нескольким словам восстанавливать первоначальный облик ирмоса. В то же время молитвенный стих иконописного мастера своей краткостью и емкостью напоминает Иисусову молитву:

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя, грешнаго» или: Господи, Сыне Божій, помилуй мя⁶.

В исихастской духовной практике повторение этой молитвы непременно условие для достижения особого духовного состояния, в котором молящийся созерцает Бога⁷. Молитва Арефия выполняет ту же функцию, но помимо этого она сакрализует процесс создания киновари, красной, так сказать, пасхальной краски:

Яичко-те бери свѣжохонечкое, изъ-подъ курочки прямо. А какъ стирать съ киноварью будешь, сушь бы была погода... ни оболочка! Небо-те какъ Божій глазокъ чтобы. Капелечки водичы единой — ни Боже мой! да не дыхай на красочку-те, ротокъ обвяжи. Да про себя, голубокъ, молитву... молитовочку шопчи: «Кра-а-суйся — ликуй и ра-а-дуйся, Иерусалиме! (101).

По словам мтп Антония Сурожского, «молитва Иисусова заключает в себе всю суть Евангелия». Молитва Арефия

заключает в себе воспоминание о центральном событии Священной истории — Воскресении Иисуса Христа.

В повести молитва Арефия повторяется еще дважды, и оба раза в похожем смысловом контексте: Илья вспоминает Арефия, когда возвращается на родину из Италии, и когда заканчивает расписывать храм в Ляпуновке. Молитва, таким образом, в контексте произведения является рефреном, которым отмечены важные события в жизни главного героя, которые условно можно выразить трехчленной композиционной синтагмой: уроки веры и иконописи — возвращение на родину — завершение росписи храма. Синтагматическое единство создается темами творчества, веры, памяти, которые, очевидно, определяют художественную доминанту жизнеописания главного героя. Важно, что пасхальная тема в произведении не развернута в образах и мотивах, а дана, скорее, имплицитно, в повторяющейся молитвенно-поэтической детали, которая пронизывает пасхальными коннотациями весь идейно-тематический план жизнеописания Ильи Шаронова. Закономерно, что Илья в повести изображен страдающим праведником, запечатлевшим в своих живописных работах благовую пасхальную весть о победе добра над злом, жизни над смертью. Вот как описана в тексте храмовая роспись Ильи:

Смотрелъ Илья, и больше радовалась душа его.

А надъ входомъ и по краямъ его — во всю стѣну — написалъ Илья Страшный Послѣдній Судъ, какъ въ полюбившейся ему церковкѣ у Тибра.

Шли въ цѣпяхъ сильные міра — къ Смерти, а со свѣтильника-ми-свѣчами, подъ золотымъ виноградомъ, радостно грядущіе въ жизнь Вѣчную.

Шли, — голы и босы, — блаженные страстотерпцы, нищіе духомъ, плакавшіе и смиренные. Шли они въ разноязычной толпѣ несмѣтной, и, затерявшіеся въ вереницѣ свѣтлой, вѣдомые Ильѣ: и маляръ Терешка, и Спиридошка-поваръ, и утонувшій въ выгребной ямѣ Архипка-плотникъ, и кривая Любка, и глупенькая Сафо-Сонька, и живописный мастеръ Арефій... многое множество.

Смотрѣлъ Илья, и еще больше радовалась душа его (122).

В искусстве Ильи переплелись канонические (иконописные) и неканонические (ренессансные) традиции. Для Шмелева, хорошо знавшего православную иконопись (и текст повести это подтверждает), эта особенность творчества Ильи — способ выразить личное отношение героя к несправедливости этого мира и упование на пасхальное эсхатологическое чудо.

Замечания относительно взаимосвязи акафиста Богородице и повести И. С. Шмелева являются общим местом в научной литературе по соответствующей теме, определённое остальных по этому вопросу высказалась Н. Ю. Желтова в связи с исследованием темы радости. По мнению исследовательницы, из акафиста Пресвятой Богородице заимствован рефрен «радуйся» [1, 18–25], на что указывает прямая акафистная цитата:

А когда несуть Ее тихія дѣвушки, въ бѣлыхъ платочкахъ, слѣдуя за «престольной», и поютъ радостными голосами — «радуйся, Чаше Неупиваемая!» — падаютъ подъ нее на грязную землю тысячи изболѣвшихся душою, ищущихъ радостнаго утѣшенія (145).

Не ставя под сомнение, в общем-то, очевидную взаимосвязь, отметим, что влияние акафиста и, шире, акафистной традиции на повесть более многопланово и охватывает лексический, идейно-тематический, образно-мотивный уровни, на эту взаимосвязь проливают свет некоторые соображения относительно определенных деталей из творческой истории повести и истории текста акафиста Богородице, образу Неупиваемая Чаша.

Образ Божией Матери Неупиваемая Чаша был прославлен в 1878 г. Несмотря на то, что в конце XIX — начале XX веков икона была местночтимой, было написано несколько акафистов, на основании которых в начале 1990-х годов был составлен современный акафист⁸. Отличия акафиста Богородице ради иконы Неупиваемая Чаша от прототипа, акафиста Пресвятой Богородице⁹, имеют, в общем-то, частный характер. Если в прототипическом акафисте в кондаках воспроизводятся эпизоды священной истории, а в икосах они

богословски осмысляются, то в акафисте Неупиваемой Чаше в кондаках воспроизводится поэтически обработанное предание о прославлении иконы, которое находит богословское осмысление в икосах. В целом богословие современного акафиста последовательно вторично по отношению к прототипу. Исходя из этого установление текста, который непосредственно цитировал И. С. Шмелев, в связи с исследованием рецепции акафиста в творческом процессе создания повести «Неупиваемая Чаша» не является определяющим. Кроме этого, необходимо учитывать свидетельство самого автора о том, что у него во время создания произведения под рукой не было иных книг, кроме Нового Завета¹⁰. Иначе говоря, автор повести ориентировался более на традицию Богородичных акафистов, нежели на конкретный текст, вводя в произведение цитату из акафиста Неупиваемой Чаше, наиболее ярко запечатлевшуюся в памяти, — это хайретизм, распространенный вокативом, и который является общим местом всех вариантов акафиста «Пресвятой Владычицѣ нашей Богородицѣ ради чудотворныя ея иконы "Неупиваемая Чаша"». Таким образом, акафистная цитата может рассматриваться как один из маркеров, адресуемых читателя к соответствующей церковной традиции, в контексте которой необходимо понимать акафистный метатекст произведения, образуемый совокупностью тем, идей, лексики, вероучительно-богословской идиоматики, частотной в художественных определениях повести.

Сравним идейно-тематические уровни указанных акафистов и повести, выявим их взаимосвязь на лексическом уровне (курсивом выделяются общие для текстов семы, в угловых скобках даны пояснения).

В акафистах Богородице и повести Шмелева можно выделить четыре коррелирующие темы:

Акафисты	Повесть
Бог приходит в мир через своих избранных	
Богородица явила миру Спасителя, через Богородицу Спаситель приходит в мир. Эта тема выражается, в частности, в таких перифрастических именовании	Илья стяжал благодать, в видениях удостоился откровения о Божественной красоте, которую он стремился запечатлеть в иконах и картинах. «Вбираль Илья въ свою душу небывающие глаза-звѣзды»<глаза Бога

Богородицы (выделяются семы) «Звѣздо, являющая Солнце» (158 ПБ), «Чаша, Ею же радость спасения нашего восприемлем» (14 НЧ), «Чаша Жизни и Бессмертия, к вратам Жизни (т. е. Спасителю) нас приводящая» (27 НЧ), «любовию к Тебе и Сыну Твоему исполняющая» (39 НЧ), «Ею же Радость возсіяетъ» (158 ПБ), «Свѣтъ неизреченно родившая» (160 ПБ), «Древо свѣтлоплодовитое» (168 ПБ), «Чаше, черплющая нам радость» (18 НЧ), «свѣтило незаходимого свѣта» (176 ПБ)

в видении Ильи» (126); «Нѣтъ, другіе... черезъ нихъ видно... будто и во весь садъ глаза, свѣтленькіе...» < глаза Бога в видении Ильи» (102); «Мигъ одинъ вскинулъ Илья глазами и въ страхъ и радости несказанной узналъ глянувшіе въ него глаза. Были они въ полъ-неба, свѣтлые, какъ лучи зари, радостно опаляющіе душу» < глаза Бога в видении Ильи» (122);

Наиболее частотной является лексика, содержащая семы *света, жизни, радости* — все они входят в поэтические определения Христа и Богородицы в акафистах и Бога в повести. На идейно-тематическом и лексическом уровнях в сравниваемых текстах наблюдается семантический параллелизм. В акафисте Христос величается Богом света, а Богородица и верующие причастниками света. Так, и главный герой произведения, Илья, представлен сопричастником божественного Домостроительства¹². В своем творчестве как иконописец на протяжении всей своей жизни он возвеличивал Бога, так сказать слагал Ему гимн в красках. В этом видится идейный параллелизм с акафистом, который относится к высшей, величающей, форме молитвословий — верующие, воспевающие акафист, уподобляются сонму ангельского воинства, величающего Богородицу.

Тема добродетели целомудрия

Богородица — хранительница добродетели целомудрия: «Невѣсто Невѣстная» (рефрен ПБ), «слезъ Евиныхъ избавленіе» (162 ПБ), «Вѣрныхъ Наставнице цѣломудрія» (165 ПБ), «Цвѣте нетленія» (168 ПБ), «Зиждитель ... изъ безсѣменныхъ прозябъ утробы, и сохранивъ ю, якоже бѣ, нетлѣнну» (168 ПБ), «столпе дѣвства» (174 ПБ) — семы *целомудрие, нетление, цветы, цветение*.

Эта тема встречается в описании икон, фресок, внешности Анастасии, Италии, которую главный герой воспринимает как святую землю, Цветы символизируют целомудрие, праведность:

целомудрие: «Увидѣлъ всю нѣжную красоту ея — радостные глаза-звѣзды, несбыточные, которыхъ ни у кого нѣтъ, кроткіе черты дѣвственнаго лица, напоминавшія ему его св. Цецилію» <об Анастасии» (123); «Даль ей Илья глаза далекаго моря и снѣжный блескъ бѣлому покрову — дѣвство. Радостно Ильѣ стало: всѣ дни смотрѣла она на него кротко» <об ико-не св. Анастасии» (126); «Дѣвствен

но-чистой рождалась она въ но-
чахъ — святая» <создание иконы Неупиваемая Чаща> (138);

лилия, цветение: «Шли подь широкимъ куполомъ къ лучезарному Престолу Господа св. мученики, мужи и жены — многое множество, ступали по бѣлымъ лиліямъ, подь золотымъ виноградомъ...» <описание фрески> (121); «Изливалась она, играла: и въ свѣтѣ новаго солнца, и въ сладостныхъ звукахъ церковнаго органа, и въ бѣлыхъ лиліяхъ, и въ неслыханномъ перезвонѣ колоколовъ» (110).

На лексическом уровне смысловой параллелизм текстов возникает в семах *целомудрие, цветы, цветение*. Акафистная тема целомудрия раскрывается в образе Богородицы, которая почитается как Новая Ева, избравшая путь смиренного принятия Благовещения. В повести эта тема дана в образах Анастасии и Ильи, принявших «из двух возможных вариантов употребления человеком его тварной свободы... смиренное принятие воли Божьей» [4, 211]. Усвоенная гимнографической традицией в качестве поэтического определения Богородицы цветочная символика обозначает духовную чистоту и целомудрие. В повести флористические символы, а также мотив цветения встречаются в описаниях фресок (в этом аспекте поэтики очевидна взаимосвязь текста с жанром экфрасиса) и Анастасии, этим автор, так сказать, подчеркивает богородичные качества главной героини повести.

Страждущие и благочестивые защищены свыше,
страдание — путь к спасению

Богородица заступница страстотерпцев и живущих благочестиво: «Скорбь в радость претворяющая» (11 НЧ), «Скорбящих отрада и увеселение» (19 НЧ), «Мати всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ» (183 ПБ), «В мире благочестиво живущих заступница (23 НЧ), «Страстотерпцев непобедимая дерзосте» (163 ПБ) — скорбь, страстотерпение, благочестие, защита;

Тема раскрывается в жизнеописании Ильи:

защита: «Топтали его свиньи и лягали телята; быкъ разъ поддѣлъ подь рубаху рогомъ и метнулъ въ крапиву, но Божій глазъ сохранялъ» <детство Ильи> (94); «Защитой свѣтлой явилась она ему, оплотомъ отъ покорявшей его плотской силы» <преодоление искушения> (138);

страстотерпение: «Иной смотрѣла она, радость неиспиваемая, претворенная его мукой» (138).

В акафисте поэтически раскрывается тайна спасения человека: «принятие Логосом падшей и смертной человечности» [4, 224]. Страдание избранников — это проекция страданий Спасителя, и Богородица в поэтическом символизме акафистов величается как усыновительница избранников, страстотерпецв Её Сына ради. В повести эта идейная параллель создает мариологический контекст спасения главного героя: Богородица явилась его «защитой», «оплотом», «радостью».

Тема исцеления через покаяние

Богородица помощница грешным: «печальми наша немощи врачующая» (7 НЧ), «малодушных ободрение, благодушных велия радости» (50 НЧ), «надеждою нас увеселяющая» (11 НЧ), «духовную жажду утоляющая» (рефрен НЧ), «исправление челоуьковъ» (ПБ 166), «многихъ согрешѣний прощѣние» (169 ПБ) — прощение, радость, духовная жажда, ободрение.

Тема раскрывается в жизнеописании Ильи, чудесах от иконы Неупиваемая Чаша:

прощение: «Не видящѣ воспаленные глаза дико взирають на свѣтлый Ликъ и изтупленно кричатъ подсказанное, просимое — "зарекаюсь!"» <крестный ход> (145);

утешение: «падаютъ подъ нее на грязную землю тысячи изболѣвшихся душою, ищущихъ радостнаго утѣшенія» <крестный ход> (145); «Чуютъ только, что радостное нисходитъ въ душу» <крестный ход> (146); «Встань, Мартынъ убогий, и ходи! и радуйся» <обращение Богородицы> (144).

В акафистной гимнографии грешник описывается как узник сатаны и как таковой смертельно болен; Богородица — помощница и исцелительница, приводящая верующих ко Христу, дарующему духовное и телесное здравие. В повести эта параллель прослеживается наиболее явственно: кроме эпизода, зафиксировавшего традицию почитания образа Богородицы Неупиваемая Чаша, описания чудес исцеления, происходящих от иконы, в тексте произведения Шмелева содержится пласт коннотаций, определяющих образы Ильи, Анастасии, Мартына как праведников, борющихся с грехом, образы дворовых людей, монастырских паломников — святой Руси, грядущей к неиспиваемому Источнику благодати.

Сопоставительный анализ показывает наличие в повести сложной взаимосвязи различных повествовательных, идейных, поэтических модусов: в настоящем исследовании

обращено внимание, прежде всего, на формальную лексическую и идейно-тематическую составляющую, которая представляется нам рецепцией гимнографической традиции. В этом смысле показательным является то, что встречающиеся в повести поэтические определения повторяют богословские терминологические метафоры, характерные для гимнографии. Наряду с этим план содержания повести «Неупиваемая Чаша», благодаря семантическому параллелизму с акафистной и, шире, гимнографической традицией, образует христианско-догматический метатекст, который можно назвать Бытием во Христе. Этот метатекст позволяет читателю интуитивно (см. замечания И. А. Ильина) распознать в произведении Шмелева творение, по духу и языку родственное текстам христианской поэтической и учительной традиции.

Примечания

- * Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.
- ¹ Об этой композиционной особенности повести см. статью О. В. Селянской [5].
- ² Канон (греч. κανών — «правило») — жанр христианской гимнографии: поэтическое произведение, славящее праздник или святого. Текст канона состоит из песен (от 3 до 9), каждая песнь, в свою очередь — из ирмоса и тропарей. Тропарь в каноне выполняет функцию богослужебного строфоида, раскрывающего тему, заданную в ирмосе. Ирмос (греч. εἰρημός — «сцепление») связывает песни канона и выполняет функцию поэтического зачина. В ирмосах вспоминаются ключевые эпизоды ветхозаветной истории. Ирмос 9-й песни посвящен Богородице.
- ³ Цитаты приводятся по изданию: Шмелев И. С. Неупиваемая Чаша // Литературный сборник Отчизна. Симферополь: Рус. книгоизд-во в Крыму, 1919. С. 89–147. Страницы указываются в скобках после цитаты.
- ⁴ Ильин В. Н. Запечатленный гроб. Пасха нетления. Париж, 1926. С. 108.
- ⁵ Там же. С. 109.
- ⁶ По словам митр. Антония, «эта молитва глубоко коренится в духе Евангелия, и не напрасно великие учителя Православия всегда подчеркивали, что молитва Иисусова заключает в себе всю суть Евангелия». Молитва Арефия заключает в себе воспоминание о центральном событии Священной истории — Воскресении Иисуса Христа.

- ⁷ Мейендорф Иоанн, прот. Византийское богословие: Исторические традиции и доктринальные темы. Минск, 2001. С. 109.
- ⁸ [Б. а.] Дарованная милость // Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице ради чудотворных Ея иконы, именуемая «Неупиваемая Чаша». Серпухов: Серпуховской Высоцкий мужской монастырь, 2011. С. 60.
- ⁹ Акафист (греч. ἄκαςτος ἀκάθιστος — «гимн, при исполнении которого не сидят») — жанр православной гимнографии. Акафист возник в VI в. Изначально акафистом назывался гимн Пресвятой Богородице, который стал прообразом и других акафистов. В настоящее время только в церковнославянской традиции их насчитывается до 600. Жанр акафиста является одним из наиболее продуктивных в современной православной гимнографии. Акафист состоит из 25 строф: после зачина, или проимия (προίμιον — вступление), поочередно следуют 12 икосов (пространных строф), оканчивающихся рефреном «Радуйся, Невесто Неневестная» и 12 кондаков (коротких строф) — рефреном «Аллилуиа».
- ¹⁰ Shmelev I. Inexhaustible Cup. London, Toronto, New York: E. P. Dutton a. Co., 1928. P. 3.
- ¹¹ Тексты акафистов цитируются по изданиям: Молитвослов на церковнославянском языке. М., 2007. Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице ради чудотворных Ея иконы, именуемая «Неупиваемая Чаша». Серпухов: Серпуховской Высоцкий мужской монастырь, 2011; номера страниц с аббревиатурным сокращением названия источника, соответственно «ПБ» и «НЧ», следуют в скобках после цитаты.
- ¹² Осуществление Божественного замысла спасения человечества в истории.

Список литературы

1. Желтова Н. Ю. «Наша красота не красота, как Бог, а Бог как красота»: поэтика «радостной святости» в «Неупиваемой Чаше» И. С. Шмелева // Русская словесность. 2004. № 8. С. 18–25.
2. Ильин В. Н. Запечатленный гроб. Пасха нетления. Париж: YMCA Press, 1926. 126 с.
3. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. 1. С. 183–406.
4. Мейендорф Иоанн, прот. Византийское богословие. Минск: Лучи Софии, 2001. 335 с.
5. Селянская О. В. Художественный мир русского православия в повести И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша» // Вестник Тамбовского университета. Сер: Гуманитарные науки. VI Державинские чтения. Филология. Тамбов, 2001. С. 109–111.

Nikolay Ivanovich Sobolev

*Ph.D. in Philology,
the Senior Teacher of the Department of
Russian Literature and Journalism,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
sobnick@yandex.ru*

HYMNOGRAPHIC TRADITION IN IVAN SHMELEV'S SHORT NOVEL *THE INEXHAUSTIBLE CUP*

Abstract: The article examines the influence of the Orthodox hymnography on Ivan Shmelev's works, using his short novel *The Inexhaustible Cup* as an example. The author analyzes the hymnographic level of the novel; identifies specific features of adapting liturgical poetry to the literary (fiction) text; defines the functionality of liturgical texts in the ideological and thematic, as well as imaginative and motive structure of a literary work. Comparative analysis shows that novel's poetic attributes are similar to theological terminological metaphors typical for hymnography. Moreover, the content plane of *The Inexhaustible Cup*, due to the semantic parallelism with Akathist and, more broadly, with the hymnographic tradition, forms the Christian dogmatic metatext which can be called «Being in Christ». This enables the reader to identify intuitively Shmelev's novel as a piece of writing, related to poetic and didactic Christian texts in its spirit and language.

Keywords: hymnography, easter canon, heirmos, akathist, quote, metatext

References

1. Zheltova N. Yu. «Nasha krasota ne krasota, kak Bog, a Bog kak krasota»: poetika «radostnoy svyatosti» v «Neupivaemoy Chashe» I. S. Shmeleva [“Our Beauty is not Beauty as God, but God as Beauty”: Poetics of “Joyful Holiness” in Ivan Shmelev's “The Inexhaustible Cup”]. *Russkaya slovesnost'*, 2004, no. 8, pp. 18–25.
2. Il'in V. N. *Zapechatlennyy grob. Paskha netleniya* [Sealed Coffin. Easter of Imperishability]. Paris, YMCA Press Publ., 1926. 126 p.
3. Il'in I. A. O t'me I prosvetlenii. Kniga khudozhestvennoy kritiki. Bunin. Remizov. Shmelev [Darkness and Enlightenment. The Book of Literary Criticism. Bunin. Remizov. Shmelev]. *Il'in I. A. Sbornie sochineniy: v 10 tomakh* [Il'in I. A. Collected Works: in 10 Vols.]. Moscow, Russian Book Publ., 1996, vol. 6, book 1, pp. 183–406.
4. Meyendorf Ioann, archpriest. *Vizantiyskoe bogoslovie* [Byzantine Theology]. Minsk, Luchi Sofii Publ., 2001. 335 p.
5. Selyanskaya O. V. Khudozhestvennyy mir russkogo pravoslaviya v povesti I. S. Shmeleva "Neupivaemaya Chasha" [Russian Orthodox Art World in Ivan Shmelev's Short Novel "The Inexhaustible Cup"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Bulletin of Tambov State University]. Tambov, 2001, ser. Humanities. VI Derzhavin reading. Philology, pp. 109–111.